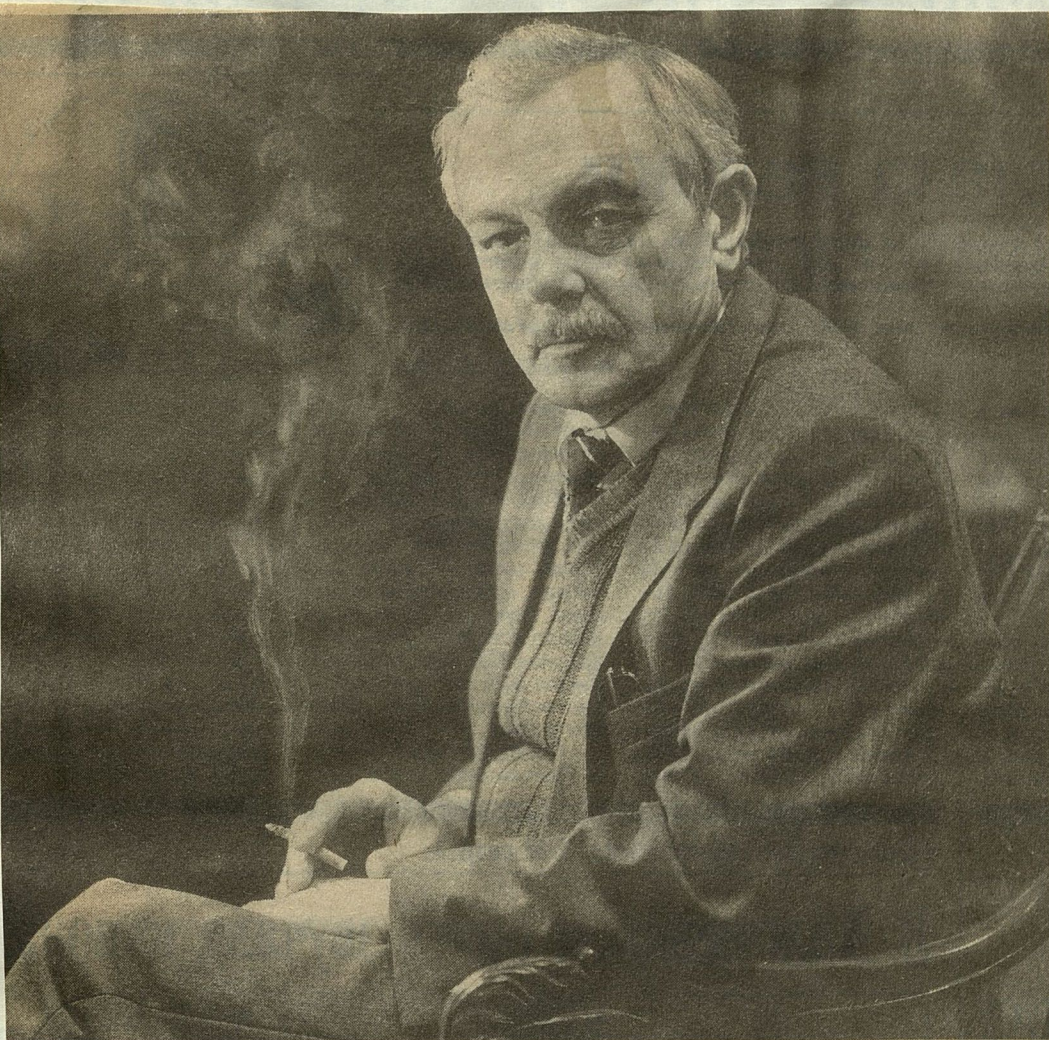

Кирилл ЛАВРОВ:

«Я когда-то играл в футбол в ленинградском «Спартаке»

Воск. клуб. — 1995. — 1 авг. — с. 7.

Многие его работы — золотой фонд отечественного искусства. В свое время его выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР, и не было у избирателей почти ни единого голоса против, настолько любят его питерцы. Народный артист СССР, народный артист России, Герой Труда, лауреат высших премий страны, попечитель Международного фонда «Вечная память солдатам», президент Международной конфедерации театральных союзов, Кирилл Юрьевич Лавров — сегодня гость «Вечернего клуба».

— Трудно быть художественным руководителем Большого драматического академического театра имени Товстоногова?

— Да, тяжела ты, шапка Мономаха... Неимоверно трудно. Не то чтобы заменить его, даже на секунду подменить невозможно. Я бы и не взялся за это непосильное дело, если бы сотоварищи не поручили. Георгий Александрович остается честицей в каждом из нашей «старой гвардии», и, пока это так, БДТ будет в какой-то степени походить на БДТ...

— Но сами вы спектакли, кажется, не ставите?

— Господь с вами, я — актер, меня бы кто-то сильный и мудрый вразумил, как играть то или иное. Мы приглашаем постановщиков со стороны: Тимурович Чендзев создаст на сцене БДТ шекспировского «Макбета» с Богачевым и Алисой Фрейндлих в главных ролях, он же поставил «Призраки», «Коварство и любовь», «Любовь под вязами», «Салемских колдуний»... Адольф Шапиро, некогда славившийся в Риге, по-своему интерпретировал у нас «Вишневый сад». Есть планы — инсценировать «Село Степанчиково», Алексей Герман предлагает поставить свою собственную пьесу. По возможности сохраняем спектакли товстоноговского репертуара: «Дядю Ваню», «На дне», «На всякого мудреца...», «Этот пылкий влюбленный», «Смерть Тарелкина»... Понимаю, что слова мои звучат не очень убедительно для знатоков театра. Повторю: Товстоногова не заменит никто и никогда. Со временем возникнет новый БДТ, уже без нас... Справедливо, пора и честь знать: 15 сентября мне стукнет семьдесят.

— Кирилл Юрьевич, можно в связи с этим оглянуться, вспомнить что-то самое памятное, дорогое?

— Что значит «самое дорогое»? Все дорого, кем бы я ни был, — а был и рабочим в совхозе, и

токарем на заводе в Новосибирске, и служил на Дальнем Востоке механиком в летной эскадрилье, был физкультурным руководителем... У меня и образование-то не высшее театральное, а среднее специальное. Правда, в армии с 1943-го по 1950-й все время участвовал в художественной самодеятельности. Ну а потом счастливый случай привел меня в состав Киевского драматического театра имени Леси Украинки; первые учителя — режиссеры Константин Хохлов, Николай Соколов, Владимир Нелли, да и вся блестящая труппа тех времен. А ровно сорок лет назад я стал актером БДТ. Приход в театр Товстоногова: первая обложка его работ — «Сеньор Марио пишет комедию», «Океан», «Горе от ума» — всколыхнула труппу. Работали мы самозабвенно. Я пытался, как губка, советы «Гоголя», как мы его ласково называли за глаза, великого мастера.

— Ваши особо запомнившиеся киносери — политух Синцов и конструктор космических кораблей Башкирцев. Что сегодня для вас эти образы?

— То же, что и тогда. В мою жизнь задолго до начала съемок фильма «Живые и мертвые» вошел Константин Михайлович Симонов. Его поэзия была всегда созвучна моей душевной волне. Мы, юнцы военного времени, хоть и не всем довелось повоевать, познали тяготы военного лихолетья. Образ Синцова я ощущал буквально физически, настолько все пережитое было свежо и глубоко. Кстати, поступая в театр, я читал симоновскую «Красную площадь».

Когда съемки «Живых и мертвых» шли недалеко от Твери, вдруг ночью на поле, где вырыли окопы, появился военный газик. Из него вышел Симонов. В тот миг мне показалось, будто здесь за лесом действительно гитлеровцы, а Константин Михайлович в данную минуту

Клубные встречи

— военный корреспондент... Было много разных других встреч с ним. Когда я впервые пришел к нему домой, Симонов усадил меня в кабинет, снял с полки несколько толстых папок, протянул мне со словами: «Читайте, здесь все, из чего вышли «Живые и мертвые». На подаренной мне фотографии, которую он носил с собой в годы войны, Константин Михайлович написал: «Кириллу Лаврову от одного из военных корреспондентов, с любовью. К.Симонов». Подарил две вкуснейшие обжаренные трубки... Горькой была наша последняя встреча: тяжело больной, исхудавший, изнуренный недугом, Симонов сказал: «Понимаешь, врачи что-то вертят-крутят, а я точно должен знать, сколько мне осталось, надо спланировать свои последние дела...»

— Кирилл Юрьевич, пожалуйста, и о Башкирцеве, о фильме «Угрожение огня».

— Прочтя сценарий, я понял: роль-факел! Динамичный характер (надеюсь, в чем-то схожий с моим собственным). Большая работа, важная цель, космический масштаб, трудные задачи. Словом, как говорится, «лицу себя надеждой», что роль Башкирцева, как семья, попала на подходящую почву.

— Следовательно, вы и сами — сильный характер, склонный к решительным поступкам?

— Откровенно признаться, я в основном самоед. Во всем, что касается лично моих результатов, сомневаюсь. Чаще не верю в себя, до сих пор. Потому теперь меньше играю в театре и совсем не снимаюсь. Может, поэтому мне по душе роли решительных героев — потому, что самому решительности не хватает?

— Дети ваши пошли по стопам отца?

— Дочь, Маша, окончила Институт театра, музыки и кинематографии; теперь — актриса питерского Театра юного зрителя.

— Как полагаете, как актриса она достойна своего отца?

— В каком смысле? На свои спектакли она меня еще кое-как пускает. Однако мое мнение об

— Вы легко сотрудничаете с партнерами?

— Надеюсь, что без особого труда. Свои промахи и беды никогда на них не перекладываю. Причины неудач ищу в себе самом. В живом контакте, в диалоге стараюсь поймать нить чего-то утраченного, если утрата стряслась.

— Вот сейчас мы с вами едем по любимому городу над Невой. Вы ведете машину, не сочтите за лесть, профессионально. С ГАИ не доводилось конфликтовать?

— Всяко бывало. Однажды ни за что, ни про что гаишник проколол мне талон с нежной улыбкой: «По долгу службы, Кирилл Юрьевич!»

— А какое место в родном городе вам особенно нравится?

— Те улицы, дворики и переулочки, которые связывают памятью с детством, юностью: Прудки, Озерный переулок, тихие — значит, не в центре города — набережные Невы, Васильевский остров, его катерки и лодочки, качающиеся на волнах, докатившихся, стихнув, с Балтики. Я ведь здесь бродил совсем маленьким мальчишкой. Здесь возникло самое первое устремление: непременно поступить в мореходку.

— Вы мэтр в театре; как воспринимаете молодых?

— Смена в Большом драматический постоянно приходит очень талантливая. Некогда пришли Андрей Толубеев, который теперь сам по себе знаменитость, и Наташа Данилова — помните ее в фильме «Место встречи изменить нельзя»? Очаровательная юная милиционерша. Затем дочь Эммы Поповой, а саму Эмму, хоть она и дама, я осмелюсь причислить к «старой гвардии». Словом, молодежь достойная есть, и я ее люблю. По-стариковски. Если они трудолюбивы, бескомпромиссны, чисты нравственно.

— Есть свойства, которые вызывают у вас антипатию?

— Не без этого. Бестактное отношение к партнерам. Цинизм, проявляемый во время работы над спектаклем. Дело — это святое, делу нужно отдавать себя целиком.

— В вашей гримборной по-прежнему висит портрет друга Ефима Захаровича Копеляна?

— Конечно. Другам не изменяю.

— Что предпочитаете читать на досуге, Кирилл Юрьевич?

— Фитцджеральда Скотта, Кобо Абе, Астафьева, Распутина. Побольше современной периодики — чтобы быть в курсе событий, чувствовать нерв общества. Из сугубо личных увлечений у меня особое — нумизматика. Сижу с увеличительным стеклом, разглядываю старинные памятные медали, монеты. Очень люблю ездить куда-нибудь. К сожалению, в наши нынешние дни не шибко поездишь; а в киноэкспедиции не только меня — юных звезд экрана не очень зовут.

— Вас называют: «капитан БДТ». Не только потому, что вы в самые трудные для театра минуты отважились его возглавить. Вы ведь и в самом деле капитан: я видела снимки, вы — впереди вереницы футболистов, лицо любого из которых нам знакомо по сцене или экрану.

— Берите выше: я когда-то играл в ленинградском «Спартаке»! Обожаю спорт за непредсказуемость сюжетов, открытый темперамент! Все подряд гляжу с интересом: гимнастику, бокс, хоккей. Отваживаясь играть в шахматы с самим Анатолием Евгеньевичем Карповым (если у него на это находится время): он очень остроумно комментирует наши поединки. Что касается футбола, то встречи команд БДТ и журналистов «Вечернего Петербурга» стали давней традицией, и приходится мне, в мои-то годы, выводить на поле спорткомплекса игроков, в составе которых иногда я вдруг замечаю непонятно как «затесавшуюся» Зинаиду Шарко (после оказывается, что организаторы ей предложили нанести первый удар по мячу, ввести его в игру).

— Видела ваши фотографии вместе с легендарным голкипером Львом Ивановичем Яшиным. Вы оба — с какими-то хрустальными кубками. Что это было?

— Хрустальные мячи, которые нам предстояло вручить победителям традиционного международного турнира юношеских футбольных команд (Мемориал Гранаткина); если не ошибаюсь, снимок 1984 года... У нас тут собиравалась на трибунах стадиона теплая болельщицкая компания: Даниил Гранин, светлой памяти Михаил Дудин, немного раньше — Дмитрий Дмитриевич Шостакович. Вот был знаток футбола: даже отчеты о матчах (не для прессы, а для себя) писал!.. Ну еще и теннис помогает мне поддерживать физическую форму.

— Есть роль сегодня более близкая вам по духу, по сути, по внутреннему содержанию?

— Пожалуй, Маттиас Клаузен в пьесе Гауптмана «Перед заходом солнца».

— Что вы цените в себе самом?

— Работоспособность.

— О чем жалеете?

— О том, что в молодости не удалось поступить в мореходку.

— В чем видите свой неизменный гражданский долг?

— В том, чтобы всегда оставаться ленинградцем.

Беседу вела Валентина МИХАЙЛОВА.

увиденном порой слышать не хочет. Чтобы я никак на нее не влиял в профессиональном плане.

— Саму Машу вы не видели, но, судя по снимкам, она и красивая, и похожа на отца.

— Что вы говорите? «Льете мне бальзам на раны».

— Зря иронизируете, я ведь искренне... Кирилл Юрьевич, как вы воспринимаете неудачи?

— Понятно, роли, явно сыгранные слабо, не окрыляют. Но если оценка работы претенциозна и напрочь перечеркивает результат, я не падаю духом. В одной статье о моем докторе Астрове из чеховского «Дяди Вани» написали: «Он похож на провинциального резонера». И точка, и баста, никакого разбора, никаких аргументов. Что же полезного я могу почерпнуть из такой рецензии? Чехов говорил: страдания надо выражать так, как в жизни, — не ногами и не руками, а взглядом, тоном. Как раз я так и старался сыграть Астрова. Конечно, далеко не каждый сыгранный спектакль удовлетворяет (кто бы и что там ни писал). Дабы передать характер классического персонажа, еще за день до спектакля отключаешься от всего стороннего, предельно настраиваясь на предстоящую работу. А житейские хлопоты да всяческие неурядицы мешают... В общем, кое-как терплю неудачи. Да кто от них гарантирован?